

В.А.ТИШКОВ,
доктор исторических наук.
Институт этнологии и антропологии РАН

Постсоветский национализм и российская антропология

В мировом обществоведении имеется достаточно признанная концепция национализма, трактующая его как явление, вызванное эпохой распространения массового образования и модернизацией. Суть национализма усматривается в коллективистской идее нации как некоем архетипе, воплощающем высшие ценности и легитимизирующим государственность и

власть, а также позволяющем создавать "нормальные" общественные устройства на основе самоопределения наций. Национализм представляет мобилизованную политическую программу, узурпирующую основополагающие индивидуалистические ценности и подчиняющие права человека служению нации, которая есть на самом деле не что иное как общность, конструируемая этнографией или политической реальностью. Сторонники этого подхода склонны рассматривать национализм как политическую утопию и нереализуемый сценарий, вызывающий опасные и разрушительные последствия. Этот взгляд на национализм, в целом, разделяется и автором доклада, хотя евроцентристская нормативность и отрицание национализма как некоего "вируса" нам представляются уязвимыми. Из данной интерпретации национализма выпадает целая когорта специалистов по бывшему Советскому Союзу и по России, которая в силу "политической корректности" и под влиянием менталитета "холодной войны" предпочитает разделять саморазрушительную лексику советского и постсоветского обществоведения о "национальном вопросе", "национальной политике", "межнациональных отношениях" и т.п., хотя представители тех же национальных научных школ пользуются совсем другим категориальным аппаратом при исследовании аналогичных проблем в обществах и странах, которые не являются столь откровенным субъектом геополитических и идеологических противоборств.

В рамках общепризнанного подхода различаются две основные формы национализма: гражданский или государственный национализм (*civic or state nationalism*) и культурный или этнический национализм (*cultural or ethnic nationalism*). Первый основывается на представлении о нации как политической общности или согражданстве; второй — рассматривает нацию как этнокультурную категорию, как общность, имеющую глубокие исторические корни, социально-психологическую или даже генетическую природу. Первый чаще отождествляется с патриотизмом, но в своих крайних политических проявлениях может обретать формы государственной агрессивности, шовинизма или изоляционизма. Второй — выходя за рамки культурной деятельности и, становясь политической программой, служит этническим предпринимателям средством обеспечения доступа к власти и ресурсам, подавляет частные стратегии и интересы и порождает попытки реализовать принцип этнической государственности через узурпацию власти представителями одной группы, через подавление меньшинств или через сецессию и создание новой "национальной" (читай — этнической) государственности.

Гражданский национализм, основанный на понятии "народа" как территориального сообщества и понятии "нации" как многокуль-

турной политической общности, считается как бы нормой человеческого общежития, по крайней мере, с тех пор как оформилась современная система государств. Из этой посылки исходят как большинство государственных доктрин, так и международно-правовая практика. Хотя в определенные исторические моменты, особенно после окончания первой мировой войны и после конца "холодной войны", этнический национализм обретал доминирующие позиции в мировой политике, в том числе и как средство реализации политической воли геополитических соперников-победителей в отношении ослабленных или побежденных регионов и государств. Таковой была вильсоновская доктрина "права наций на самоопределение" применительно главным образом к Центральной и Юго-Восточной Европе в начале XX в. Этим же объясняется отход западного сообщества от хельсинкских принципов и поддержка этнонационализма в конце XX в. в регионе бывшего коммунистического мира. В академическом и политико-доктринальном планах это нашло отражение в объяснительной модели "распадающейся империи", которая доминирует в интерпретации событий, произошедших и происходящих на территории бывших СССР и Югославии.

В западной науке этот взгляд распространяется преимущественно на внешний мир и носит более осмотрительный характер применительно к своей отечественной действительности. Мало кто из американских коллег-обществоведов готов отстаивать право на самоопределение для гавайской или навахской наций (хотя движение с подобной фразеологией существует и в США), но почти все приемлют аналогичные политические проекты для России. Современные подвиги "в защиту либерального национализма" продиктованы главным образом политико-идеологической заангажированностью. Это касается как западной, так и отечественной общественной мысли. Для последней никакой "подвижки" и не требовалось в силу глубокой включенности основных постулатов этнонационализма в общественно-политический дискурс.

В советской и постсоветской научной традиции и в политической доктрине присутствовала амбивалентная концепция национализма. С одной стороны, это дефиниция национализма как противоположной пролетарскому интернационализму буржуазной идеологии. С другой стороны, нация определяется как высшая форма этнической общности, а национальная государственность мыслится только как этнонациональная государственность. За внешней ругательно-осуждающей дефиницией национализма на самом деле присутствовал безоговорочно государствующий этнонационализм как в науке, так и в политике. Таковой ситуация сохраняется и поныне, ибо постсоветская наука и политика до сих пор не могут себе

представить, что могут существовать такие реалии, как российская, украинская, казахская, латвийская и другие *нации* как многокультурные, политические общности, а тем более таковыми называться. Более естественным и "правильным" представляется категоризовать граждан США, Франции, Украины, Казахстана, имеющих русское, грузинское или латышское этническое происхождение, как представителей русской, грузинской или латышской нации. Биологический принцип крови или звучание фамилии оказываются важнее признаков культурной включенности: таких, как знание языка, факта проживания (часто с момента рождения) на территории государственного образования, для того, чтобы занять важнейшие государственные посты в ряде постсоветских государств или, наоборот, по этому же принципу исключить из гражданства во имя идеи "однообщинного государства".

Отечественная академическая традиция в значительной мере способствовала утверждению приоритета этнической взаимоисключающей идентичности, огосударствлению и институционализации этничности, а также политической вербализации этнонационализма. Этнографическая наука в огромной степени способствовала установлению культурных различий и категоризации этнических границ, абсолютизируя гомогенность и значимость этнокультурных сообществ и обеспечивая аргументацию политического этнонационализма. Профессионалы Института этнологии и антропологии, сами по себе представляя многоэтническое сообщество, объединенное более мощными социальными связями и идентичностями, отказали в аналогичном праве на коалиции тем, кого они категоризовали как "этнофоров". Академический, интеллектуальный этнонационализм обрел причудливые формы как изоциренных схоластических конструкций, так и паранаучных построений, которыми питается многообразный и процветающий постсоветский этнонационализм. Весь его язык фактически заимствован из этнографических и исторических текстов, включая такие основополагающие понятия, как "жизнь или вымирание этносов (наций)", "этническая территория", "коренная нация", "своя государственность", "национальное движение (возрождение) народов", "национальная политика", "национальный вопрос", "межнациональные отношения (конфликты)", "национальность", "родной язык" и т.п.

Большинство этих категорий с научной точки зрения уязвимы или просто бессмысленны, а с общественно-политической точки зрения порождают тупиковые стратегии. "Этносы", их "подразделения", "суперэтносы", "субэтнические группы", "национальные группы" и многие другие неизвестные мировой науке понятия и категории вошли в язык постсоветских политики и официальных текстов, провоцируя конфликтность и делая невозможным приня-

тие даже минимально необходимых законов, обеспечивающих интересы и права граждан, основанные на их осознании принадлежности к той или иной культурной общности.

В постсоветских государствах, особенно в России, сугубо научные классификации, группирующие языковые семьи (причем, не общепризнанные), стали основой государственных программ, организации и функционирования чиновничье-административных структур в виде департаментов федерального министерства. Иступленный поиск "национально-возрожденческой" документации и стремление к реестру этнографических проявлений привели к созданию антологий во многом частных сюжетов и кабинетных эпистолярных всплесков или же к неоправданному признанию со стороны академической науки псевдоэтнических групп, в том числе откровенно криминального характера. Для этого достаточно просмотреть список "возрожденного казачества", изданный под грифом Института этнологии и антропологии РАН в убедительно-привлекательной форме, воздействующей гораздо сильнее, чем визитные карточки с фальшивыми титулами и званиями.

Гражданский национализм в отечественном общественно-политическом дискурсе отсутствует вообще из-за отсутствия самого понятия гражданской нации, хотя в реальности он присутствует в риторике о государственном патриотизме. В чем-то с претензией на общегосударственный патриотизм выступают представители этнического национализма доминирующей общности русских. В данном случае грань между этническим и гражданским (государственническим) национализмом может стираться. То же самое может происходить и с периферийными типами этнонационализма, формулирующими точно такие же претензии, но не на общегосударственном, а на региональных (этнотерриториальных) уровнях.

Мы определяем постсоветский национализм (точнее — этнонационализм) как доктрину и политическую практику, основанную на понимании нации как формы этнической общности, обладающей членством на основе глубоких исторических и других объективных характеристик и проистекающем из этого коллективного членства праве обладания государственностью, включая институты, ресурсы и культурную систему. Длительные трудности с определением понятия "нация" связаны не со сложностью определяемой материи, а с эпистемологически неверной посылкой придать значимость объективной категории, по сути ставшей эмоционально влиятельной аллегорией, за исключительное обладание которой состязаются две формы социальных группировок людей — государства и этнокультурные общности.

Нация — это политический лозунг и средство мобилизации, а не научная категория. Как таковая, состоя почти из одних исключе-

ний, оговорок и противоречий, она не имеет права на существование и должна быть исключена из языка науки. В этнокультурном значении ее категориальность утратила всякое значение в современном мире и стала фактически синонимом этнической группы, ибо в составе любой из них (будь то русские, караимы или нанайцы) ныне существуют элитные элементы, претендующие на подобную самокатегоризацию и способные мобилизовать массовое "национальное" сознание, т.е. использование слова в качестве атрибута самоназвания, и у ученого нет оснований в отказе на данное использование слова. Равно не происходит никаких качественных трансформаций в характеристике этнокультурной общности при верхушечных статусных декларациях. Гагаузы как этнокультурная общность никакого таксономического перехода из типа народности в тип нации по сути своей не совершили после получения статуса республики Гагауз-Ери в декабре 1994 г., кроме как в академических классификациях и в политической риторике.

В государственно-политическом значении применяемое в мировой науке и в политическом языке понятие "нация-государство" или "национальное государство" (nation-state or national state) также является одной из грандиозных мистификаций и не может претендовать на научную категорию, ибо сегодня нет государств, входящих в Организацию Объединенных Наций, которые не считали бы себя государствами-нациями. А это означает, что они всего лишь государства, а их "национальная" атрибутика — это не более, чем средство дополнительной легитимности. Всякие попытки разделить политическую карту мира на государства-нации и государства ненации являются тщетными и скорее вызваны упрощенными представлениями о внешнем мире, о степени этнической гомогенности других государств и преувеличенном представлении об "уникальности" и многообразии собственных стран, особенно в обществах, в которых культурной отличительности придается особая значимость, или в которых система управления подавляет культурное многообразие, т.е. это вопрос политики и интеллектуальных дебатов, а не вопрос о типе государственных сообществ. Англичане вполне удовлетворены своим "национальным" государством британской (а не английской!) нации, в то время как русские могут ставить вопрос о несостоявшемся "национальном" самоопределении даже в рамках Российской Федерации, хотя принципиально оба государства ничем не отличаются как друг от друга, так и от Индии или Ямайки.

В последнее время эта ничего не значащая для науки категоризация используется в геополитическом соперничестве, в котором на уровне аргументации и идеологии участвуют и обществоведы. Западные ученые не используют термин "многонациональное" го-

сударство применительно к Испании, Великобритании, Индии, Нигерии и т.п., а также не используют данную характеристику применительно к другим постсоветским государствам, как бы тем самым признавая их полную легитимность. Зато почти все западные специалисты по России с энтузиазмом повторяют фразеологию российских ученых и текста российской Конституции о "многонациональном народе" России, тем самым имплицитно подвергая сомнению легитимность данного государства и признавая оправданность периферийного этнонационализма. Хотя в государственно-политическом смысле в России, как и в других государствах мира (за очень редким исключением!) проживает не "многонациональный народ", а "многонародная нация", что, видимо, и было бы лучше записать в конституции, если политика нуждается в понятии-слове "нация".

Не представляя собой научную категорию, "нация" сохраняется в языке политического соперничества. И на сегодняшний день, как и на обозримое будущее, больше права на использование этого слова будет иметь та форма социальной группировки, которая обладает большей властью. А таковой в паре этническая общность—государство обладает последнее как пока единственная допускаемая самими людьми по общему согласию форма осуществления легитимного насилия и обладающая для этого соответствующими институтами, ресурсами и правовыми текстами. Государственная общность как более жестко оформленная территориальными границами и фиксированным гражданством коалиция имеет больше оснований называть себя нацией, чем коалиция, основанная на этнической идентификации, с ее постоянно конструируемым содержанием, взаимопроникаемыми границами и множественной лояльностью. Понятие гражданской нации более приемлемо для членов многоэтнических политических сообществ и менее конфликтно, чем длительно насаждаемое советскими учеными и широко разделяемое политиками понятие этнонации.

Однако государственными декретами это понятие не может и, видимо, не должно быть демонтировано, как и само явление этнонационализма в обоих его вариантах — гегемонистском и периферийном. К тому же последний вариант в своих неэкстремистских культурных и политических формах играет позитивную роль, содействуя, в частности, в России децентрализации власти и сохранению культурной отличительности и целостности групп. Этнонационализм, будучи антиподом основанного на правах человека гражданского общества, в настоящее время компенсирует недостаток демократии и общегражданских лояльностей. Он может быть ослаблен или устранен только через улучшение социальных условий существования и общественного правления в рамках доктрины культурного плюрализма и принципа "единства в многообразии".

Самым серьезным препятствием на пути утверждения гражданского национализма (или российского патриотизма) является не столько национализм нерусских народов, сколько национализм от имени "русской нации" как некой "государствообразующей" или "спланиваемой" нации, да еще в некий "суперэтнос". Подобная лексика насаждается не только учеными, публицистикой, но и политиками самого широкого спектра. Казалось бы, будучи ближе всего к реализации наиболее приемлемой формулы России как государства, категория "русской нации" закрывает возможность открыто сформулировать понятие России как политической нации. Кстати, категория "русской нации" в ее этническом смысле — сравнительно недавняя элитная конструкция. До сих пор подавляющее большинство российских граждан, считающих себя русскими, уж если такой вопрос перед нами ставится политическими предпринимателями, вполне обходятся не менее достойным термином "народ" или "культура". Поэтому вопрос о гражданском национализме не имеет никакого отношения к "ликвидации" или "отмене" "национальностей" и "этносов" в России, а уж тем более к вопросу сохранения и развития культурного многообразия. Это вопрос таких же целенаправленных доктринальных усилий по утверждению не исключаящей этнокультурную принадлежность общегражданской идентичности, без которой не может существовать ни одно государство. Потому что государство — это не только границы, институты и правовые декларации, но и то, как эти представления существуют в самих людях. Если такого представления как одной из доминирующих идей нет, то нет и государства.

В России пришло время демонтировать лексику этнонационализма хотя бы из языка науки и перейти к общеразделяемым методологиям и терминологии, в том числе и к более глубокому и чувствительному пониманию феномена этничности. Последнее есть сложный комплекс характеристик, чувств и индивидуально-коллективистских стратегий, не разобравшись в котором академическое сообщество порождает не только общественную нетерпимость, плохое управление и трагические коллизии, но и ложные формы солидарности и неоправданные антагонизмы в собственной среде.

Вопрос из зала: Существуют ли определения национального государства?

Ответ: Видите ли, я не призываю в своем докладе к тому, чтобы изъять из политической лексики, из текстов деклараций и языка политических активистов понятие "нация". Я говорю о том, что разные политические и этнокультурные силы ведут борьбу за свою интерпретацию нации. На сегодняшний день именно государство

имеет больше прав на использование этого понятия, потому что есть границы, есть официальная фиксация гражданства в паспорте и т.д. Но это вопросы политики. Что касается науки, то в социально-культурной антропологии понятия нации как научной категории нет. Вся социально-культурная антропология обходится одним термином — этнические группы и делает прекрасные исследования, нисколько не страдая от этого. Если важно тому или иному этническому лидеру — политическому предпринимателю и т.д. использовать этот термин, то пусть он это делает как политик.

Вопрос из зала: Уточните Ваше понятие российской нации.

Ответ: Российская нация — политическая нация.

В.И.Переведенцев: У демографов есть понятие очень четкое, но неудобно произносимое — суженное воспроизводство населения, т.е. такое положение, когда рождающиеся дети не могут количественно заместить родителей. К сожалению, у большинства народов России и бывшего Советского Союза такое положение существовало и существует. Нынешнее бедственное положение пенсионеров объясняется очень резким ростом их доли. Перед войной лица старше 60 лет составляли 6%, сейчас — 17%, скоро будет 25%. И если западных ученых этот факт особенно не волнует, то я думаю, что это большая ошибка с их стороны.

В.А.Тишков: Такая же пирамида характерна для большинства модернизированных наций. Я думаю, что они не совершают ошибки. Суженное воспроизводство зависит от многих факторов, но оно компенсируется, в первую очередь, за счет эмиграции. И в России это вполне возможно в случае определенного экономического прогресса или хотя бы относительного улучшения ситуации. Во-первых, в мире столько бедной периферии, что даже сейчас Россия привлекает к себе внимание не только в связи с процессом выталкивания. Во-вторых, Вы говорите: "Найди нам какой-то термин". Да, совсем этого отвергать нельзя. Порой, скрываясь за метафорой вымирания этносом или наций мы часто забываем о другом, об определенной деградации, эрозии культуры: теряется язык, происходит утрата языка, культурной специфики, целостности, отличительности. Но это очень часто не совпадает и не должно жестко проецироваться, хотя и связано с демографической ситуацией. Хорошо это или плохо, рост или уменьшение численности населения, я не демограф и не берусь сказать. Я не понимаю, почему лучше, когда происходит его рост.

В.И.Переведенцев: Может быть тем, что в этом случае много молодежи, а молодежь во всех отношениях — главная часть нации. Молодые люди адаптивны во всех отношениях.

В.А.Тишков: Вы считаете, что наиболее оптимальная структура у китайцев?

В.И.Переведенцев: Нет. Я не это имел в виду. Конечно есть ограничения биосферы, есть рост населения, который нежелателен. Есть общеизвестное выражение: "Много народу — мало кислороду". Но ведь это — при прочих равных условиях. Один американец наносит биосфере больше вреда, чем два десятка индонезийцев. Нынешняя цивилизация ведет к уничтожению биосферы. Вот в чем проблема. Не только в количестве населения.

В.А.Тишков: Так вот Вы о чем. Вопрос о демографии, росте или падении численности населения возникает, как правило, в результате контактов. Ведь не стали бы русские говорить, что мы вымираем, нас все меньше и меньше, если бы более быстро не росли татары, или в бывшем Советском Союзе более быстро не росли узбеки. Это проекция более быстрого роста контактирующих народов вызывает озабоченность, а не сам факт роста или не роста. И поэтому вызывает озабоченность то, что в Китае очень высокая населенность. Вот о чем нужно говорить: об оценочной стороне демографической ситуации в контексте контактов внутри одного государства или геополитической ситуации. Но говорить о том, что мы вымираем? Если внимательно покопаться, то за этой риторикой стоит соображение, что скоро придет время, когда и в России русские перестанут быть большинством.

Э.А.Паин: Если бы Валерий Александрович не закончил идеей об отмене наций, я бы сказал, что целиком разделяю эту концепцию и целиком поддерживаю те мотивы, которые побуждают формировать эту идею. Но меня смущает некоторое соотношение между термином и реальностью. Даже в рамках научного сообщества отменить некий термин и договориться о чем-то общем очень трудно. Подавляющему большинству населения абсолютно безразлично, договорится или не договорится между собой какая-то группа научных сотрудников о том, будут они употреблять эти термины или нет. Проблема наций — это все-таки проблема политическая, а не проблема некоего научного сообщества и терминологии. Суть вопроса не в том, что есть два типа общностей, каждый из которых борется за понятие нации, — один государственный, другой этнокультурный, а в том, что культурная общность хочет использовать понятие "нация" для того, чтобы через нее утвердить государственность. Если бы не было этого перехода, то мне было бы, честно говоря, все равно, как оно там называется.

Ответ: Нет. Прочтите мою последнюю статью в "Секьюрити диалог", которая называется "What is Russia?" Я уже получил массу откликов относительно того, что это слово можно изменить. Надо везде писать не Russia, а Rossia. Это можно сделать, хотя, может быть труднее, чем ввести имена Молдова или Беларусь, но если этого не будет, то это многое прояснит.

Э.А.Паин: А Вы можете определить, что такое этнос?

Ответ: Советская наука определила, хотя в мировой науке этого нет.

Вопрос из зала: Как Вы относитесь к понятию "соотечественники-этникос"? К политической спекуляции на тему соотечественников? И какую адекватную научную позицию тут можно занять? Действительно, диаспора колоссальная. Я помню еще Г.Старовойтова говорила на Верховном Совете: каких русских вы собираетесь защищать? Какое научное содержание Вы видите за понятием "соотечественники", которым пользуются политики?

Ответ: Соотечественники — это те, кто считают себя соотечественниками. Это — чистое самоощущение. А если они не считают себя россиянами, если русский родился и живет в Харькове и считает себя харьковчанином, и для него другой никакой исторической Родины нет, и он не нуждается в вашей поддержке и чувствует себя нормально, то он — украинец в гражданском смысле слова, потому что по нулевому варианту получил украинское гражданство, он голосует, он верен этому государству, он чувствует себя нормально, и не навязывайте Вы ему это понятие "соотечественник".